

СХЕМОПОСТРОЕНИЕ В РАМКАХ МЕТАЕДИНИЦ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Бредихин С.Н.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1/А (корпус 1), e-mail: bredichinsergey@yandex.ru

Данная статья посвящена иерархической ноэматической структуре смысла, реализованного в тексте. В статье обсуждаются принципы построения схем действия по пониманию и интерпретации смысла в тексте. Суперконструкт смысл функционирует в тексте как иерархическая структура интенционально релевантных ноем как мельчайших квантов многомерного и многогранного смысла. Образование смыслов связано с использованием правильных схем действия на основе метаединиц, формирующих данные схемы как алгоритмы понимания, пониманием самого продуцента смысла и рефлексией его не только на первом уровне абстракции, в отношении денотатов, но и на последующих уровнях при феноменологической филологической рефлексии над выраженным в знаках и символах/языковых единицах, текстах – ментальных конструктах, всё это обуславливает рождение прото- и мета-смыслов, нового в смысловой структуре, построение текстов на и за гранью понимания.

Ключевые слова и фразы: ноэма, смыслопорождение, схема действия, ноэматическая рефлексия, феноменологическая рефлексия, прото- и мета-смыслы, суперконструкция.

SCHEME DERIVATION WITHIN METAUNITS OF HERMENEUTIC PROCESSES OF UNDERSTANDING AND INTERPRETATION

Bredikhin S.N.

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkinast. 1/A (building1), e-mail: bredichinsergey@yandex.ru

This article is devoted to hierarchical noematic structure of sense realized in the text. In article the principles of acting scheme construction within the process of sense understanding and interpreting are discussed. The sense superconstruction functions in the text as hierarchical structure of the intentional relevant noems as the smallest quanta of multidimensional and many-sided sense. Sense evolution is connected with use of correct schemes of acting on the basis of metaunits modeling this schemes as an algorithm or method of understanding procedure, understanding of the producer's sense and producer's reflection not only at the first level of abstraction, in denotative relation, but also at the subsequent levels of phenomenological philological reflection over verbalized in signs and symbols / linguistic units, texts – mental constructs, all this causes the birth of proto- and meta-sense, new formation in semantic structure, text creation within and beyond understanding.

Keywords: noem, sense derivation, scheme of acting, noematic reflexive structure, phenomenological reflexive structure, proto- and meta-sense, superconstruction.

Данная статья посвящена изучению схемопостроения в рамках метаединиц герменевтического акта понимания смысла высказывания, смысла, реализованного в тексте. В данном аспекте немаловажную роль играет раскрытие глубинных структур моделирования и структуризации ноэматического и феноменологического смыслопорождения в рамках иерархической структуры, базирующихся на объединении элементарных единиц в узловых точках как метаединицах концептуализации, наиважнейшим в этом процессе является о-сознание наличия разнообразных возможностей внутрисистемного перераспределения некоторого интенционально релевантного набора ноем по определенным линиям, намеченным алгоритмическими схематическими моделями, по которым многоуровневый смысл может быть построен.

В антропологических видах деятельности большинство процессов происходит по неким алгоритмическим схемам, которые, однако, могут не осознаваться, т.е. не включаться в систему феноменологической рефлексии. Характерологические признаки любого вида деятельности по конституирующим схемам определяется не наличием самих элементов структурной схематизации, не их глубинным смыслом, а контаминацией, взаимопроникновением и взаимодействием данных квантов в узловых элементах, точках концентрации, которые мы вслед за Г.И. Богиным будем называть метаединицами. Впервые на подобные отношения элементов схематизации обратил внимание В. Вундт в своей работе «Основы физиологической психологии». Закономерно будет предположить то, что на первых этапах взаимодействие элементов структуры изучалось психологией и физиологией, как отношения в естественно развивающихся системах, так понятие «физиологических органов нервной системы» было выдвинуто А.А. Ухтомским [10, с. 299], в данных терминах сама речь, как и процессы её порождения и понимания, понимается как некий неморфологический орган, формирующийся в процессе онтогенеза. Изучение именно речевой деятельности с её весьма развернутым «архитектурным фактором» [1, с. 210] дает возможность последующего развития теории контаминации элементов системы в некоторых подсистемах, которые являются маркерами **внутренней готовности** к построению более сложных схем в процессе понимания текстовой реальности на основе рефлексивных актов. Сложная архитектура естественно развивающихся систем и подсистем действует в рамках социального момента, чем существенно отличается от энергетической составляющей механизмов порождения, действующих в рамках физиологических биологических процессов. Амбивалентность схемопостроения и интенциональной готовности к построению метаединиц из элементов смысла проявляется именно в действовании в рефлексивной реальности этих начал – социально и индивидуально обусловленных речевых способностей и внутренних законах развития системы языка, в то же время сам текст является движущей силой схемопостроения в герменевтическом процессе понимания и интерпретации.

Первоначальным, поверхностным вариантом освоения процессов взаимосвязи и взаимодействия структурных элементов системы в некие более сложные единицы понимания является усмотрение эксплицитных связей пары структурных компонентов в синтаксическом целом (сверхфразовом единстве) некоей тематически завершенной единице (например, абзаце) [13]. В данном процессе адекватность применения тактик индендрования, определенных социально, предлагает лишь одну возможность некоего нормативного действия, нормированность которого определяется в терминах правилосообразности и верификации интерпретируемого смысла, самопроизвольная процедура здесь оказывается не работающей. При этом текстовая реальность является некоей организованной целостностью,

понимание которой не всегда является линейной последовательностью когнитивных действий, структура понимания в данном случае не является тождественной структуре текста как [13:176]. Совпадения или же несовпадения формальной структуризации текста и структурированности процессов происходящих в одном из трех поясов мыследеятельности (по Г.П. Щедровицкому), дают объективную почву для герменевтического схемопостроения в акте понимания и интерпретации – схемы действия на основе метаединиц категоризует не только сами признаки текста, но и признаки процесса переработки текстовой реальности в реальности рефлексивной.

Необходимо отметить тот факт, что подобные схемы действия имеют место лишь при использовании рефлексии третьего уровня абстракции (т.е. в герменевтическом акте понимания на уровне феноменологической рефлексии), построение метаединиц и на их основе с учетом всех констант схем будет лишь отягощать обыденное семантизированное восприятие текста, ноэтическая рефлексия (дорефлексивное, интуитивное понимание) обходится без этого. В процессах смыслопорождения, смыслодекодирования и интерпретации оба данных типа неразрывно связаны, они, как и действительно объективные «знания о мире» и так называемая примитивная «пресуппозиция», смешиваются и перетекают один в другой. В «примитивном» высказывании обыденного языка не стоит, да и невозможно выстраивать метаединицы, узловые структуры концептуализации или модальности, достаточно лишь одного плана хронотопа и констант ситуативности и интенциональности, в данном случае работает и ноэтическая рефлексия, которая вполне справляется с категоризацией и связыванием смысла высказывания с прагматической задачей. В процедурных актах продуцирования и декодирования высказываний не нужна схема, здесь существуют стандартные априорные переходы между двумя сторонами некоего уравнения: *Sagedeiner Mutter, dass... = Deine Mutter weiss nicht, dass...* или *Gib mir dieses Buch = Ich habe solch ein Buch nicht.*

Подобные линейные равенства являются устоявшимися традиционно, да и понятными априорно парадигмами, в подобных ситуациях нет смысла обращаться к рефлексивной реальности (в полном смысле этого слова – ведь модель реакции и равенства хранятся в личном отрефлексированном опыте), нет ни возможности ни необходимости производить категориальный анализ и искать ситуативные соответствия.

Схемы действия важны лишь в случае восполнения пробелов в системности понимаемого высказывания, строясь на основе узловых элементов – метаединиц, они «подчиняют текст определенному типу чтения» [15:67], происходит кардинальная перестройка, трансформация процесса понимания, **схематизация рефлексивного акта.** И. Кант предполагает априорность подобной схематизации, её независимость от когнитивных

усилий индивида [7:117], однако мы полагаем, что каждое рефлексивное усилие несет в себе интенциональное начало (константы интенциональности и субъективности). Подобные схемы действия дают возможность наиболее полно использовать как потенции текстовой реальности, так и потенции продуцента/реципиента в системном взаимодействии «человек – текст», а значит создать условия обеспечения отдельных конкретных операций либо текстом, либо индивидом [5, с. 15]. Вне герменевтического схемопостроения не может быть герменевтического понимания, при отсутствии схем на основе метаединиц все скрытые в текстовой реальности потенции так и остаются за гранью понимаемого. При восприятии целостного текста как определенного смыслового единства, большинство лингвистов предполагают избыточность как имплицитных ноэматических характеристик, так и элементарных текстовых средств, однако в процессе понимания, выстроенного по схемам действия, данные средства текста и ноэматика выступают **единственно возможными** способами постижения **полного смысла** конкретного текста. Но этот постулат работает лишь при том условии, когда в текстовой реальности действительно сокрыт некий смысл, как мы уже упоминали в работе «Принципы и условия наличия и формирования смысла»: «нельзя вывести смысл только из реально существующих и видимых граней, но его можно постичь, поднявшись над метауровнем, соблюдая определённую технику интендирования. Герменевтические витки вовне- и вовнутрь-идуших лучей феноменологической рефлексии должны завершаться именно актами интендирования (приращением субъективности, модальности, значимости), непомерным расширением герменевтической ситуации («игрового» смыслопорождения, переразложением этимологических основ, герменевтическим кругом и т.д.). Ситуативность, субъективность, ноэматичность, модальность и интенциональность являются главными условиями смыслопорождения и смыслодекодирования, как акта повторения смыслопорождающего пути»[2].

Реципиент, который о-сознал все возможности схематизации действия в процессе герменевтического акта понимания, закономерно хочет получить некие «универсальные» метаединицы для построения этих схем, однако таковых «правильных» схем не существует, данные схемы являются адекватными только для каждого конкретного текста, они создаются только в ходе взаимодействия с текстовой реальностью. Р.И. Павиленис в своей работе «Проблема смысла» критикует Серля в части его теории речевых актов и отвергает «постулат об изначальной данности языка как детерминанты артикуляции, познания и понимания мира» [8, с. 31]. Как справедливо отмечает Изер, компонентный состав сем и метаединиц, на которых они строятся, претерпевает постоянные трансформации, обновления и пополнения [12, с. 235], он отличается свойствами творимости и ситуативности, а никак не

клишированности. Именно на этом свойстве схем действия и зиждется постулат о множественности вариантов интерпретации одного и того же текста.

Категоризуясь, закрепляясь, схема перестает быть «действующей», именно тогда берет свое начало новый виток рефлексии, новое понимание, которое требует новой схемы действия. Но подобным образом герменевтический процесс понимания строится только у реципиента, действующего творчески, по своим собственным схемам, на основе собственных, усматриваемых при работе с текстом метаединиц, т.е. при представлении в тексте схем, отражающих способность узреть глубинные мотивы и смыслы, при условии по-новому видеть то, что «было у него перед глазами» [6, с. 392]. Текстовый материал, не ставящий проблем и не требующий **понимания** в том смысле, в котором оно представляется нам, не нуждается в постоянном расширении и обогащении схем действия.

Алгоритмы действия со всеми элементами смыслового суперконструкта, способ реагирования на **все** текстовые средства изменяются в процессе герменевтического акта понимания, данный процесс происходит при имманентном изменении статуса и компонентного состава метаединиц. Так, например, в пассаже М. Хайдеггера:

Homo est animal rationale. Animal bedeutet nicht einfach Lebewesen; ein solches ist auch Pflanze. Wir können aber nicht sagen, der Mensch sei eine vernünftige Vegetation. Animal bedeutet das Tier, animaliter heißt (z.B. auch bei Augustinus) 'tierisch'. Der Mensch ist ein vernünftige Tier. Die Vernunft ist das Vernehmen dessen, was ist, und das heißt zugleich immer: was sein kann und sein soll. Vernehmen schließt in sich, und zwar stufenweise: das Aufnehmen, das Entgegennehmen, das Vor-nehmen, das Durchnehmen, und das heißt Durch-sprechen. Lateinisch heißt durchsprechen: reor, das griechische ρεω (Rethorik) das Vermögen, etwas vor- und durchzunehmen; reri ist die ratio; animal rationale ist das Tier, das lebt, indem es vernimmt nach der genannten Weise. Das in der Vernunft waltende Vernehmen stellt Ziele her-zu, stellt Regeln auf, stellt Mittel bei und stellt auf diese Weise des Tuns ein. Das Vernehmen der Vernunft entfaltet sich als dieses vielfältige Stellen, das überall und zuerst ein Vor-stellen ist. So könnte man auch sagen: homo est animal rationale: der Mensch ist das vor-stellende Tier [11, с. 27].

Усмотрение некоего положения о «*tierische*» природе человеческого существа сменяется метаединицей о «*rationale*» сущности оною (в данном случае – и социальной, и физиологической); данный пассаж, в сущности, и написан для репрезентации герменевтического круга в рамках этой смены. «Схема выполняет функцию и камертона, и отмены камертона; одновременно с разворачиванием линейности средств и смыслов текста схема обеспечивает и иерархическую концептуальную организацию текста» [14, с. 95]. Именно сочетаемость и взаимообусловленность линейности структуры высказывания и парадигматичной иерархии структуры смысла являются базой для возможности рецепции

интерпретатором этой амфиболичности и усмотрения «различий в рамках одного и того же единства» [9:128]. В условиях полного развертывания схем действия в герменевтическом акте понимания человеческое существо в вышеописанном примере воспринимается реципиентом как двуединство начал «*tierisch*» и «*rational*», это как свойства электрона в квантовой механике – он является и частицей и волной (при изменении условий – производим мы наблюдение или нет), задействована рефлексия третьего уровня или нет. При этом когнитивная ценность исходного положения, достигнутая в результате рефлексии, становится важным рефлексивным материалом, по-новому обыгрывающим оттенки смысла в последующем положении.

Учитывая это, мы можем предположить, что схемы действия **homoreflexibus** (человека, активно рефлексизирующего) в процессах понимания различных типов, по Г.И. Богину, «семантизирующего, когнитивного и распредмечивающего», имеют различный компонентный состав метаединиц и выстраиваются по разным моделям. Допустим, при когнитивном типе схема действия обязательно строится на базе метаединицы «договоренность» о неких признаках животного начала человека. В рамках семантизирующего и распредмечивающего понимания необходимо введение метаединиц – «нечеткой лингвистической логики» как усмотрения и анализа «гуманитарных систем», которые, как и элементарные частицы в квантовой механике, зависят не только от имманентно присущих характеристик объекта, но и от включения в процесс категории наблюдателя. Здесь мы видим общность семантизирующего и распредмечивающего типов понимания. В других случаях будет наблюдаться общность схемостроения не между семантизирующим и распредмечивающим, а между когнитивным и распредмечивающим пониманием. Феноменологическая рефлексия и рефлексия ноэматическая (интуитивная) дают возможность прорыва к глубинам смысла, в отличие от семантизирующего типа понимания, когда схематизация ведет лишь к денотатам и номинантам. «Настройка на среду» является обязательным условием и признаком схем действия, от текста к тексту, от когнитивного типа понимания к распредмечивающему, это производит не стабильные застывшие схемы, а включает в их состав меру неопределенности, вариативности. Но несмотря на это схематизация и как процесс, и как результат всегда четко обозрима, в отличие от категоризируемых ею элементов, и может быть сопоставлена с понятием как репрезентантом выводного знания, а не с образами и представлениями.

Каждая из метаединиц, и в особенности это касается метасмыслов, обладает способностью к «растяжению» в процессе развертывания текстовой реальности, а значит, структурная схема будет сопровождать и влиять на реципиента в течение долгого периода времени, даже при элиминации элементарных смыслов (ноэматических единиц),

категоризованных в результате введения их в эту метаединицу, возможно на протяжении всей его работы с текстом. Все это говорит о немаловажности компонентного **состава** схем, или набора конкретных метаединиц построения схемы действия.

Компонентный состав не сводится к простым метасмыслам и метасредствам, в текстах сложных для понимания требуется использование сложных метаединиц, совмещающих признаки метасмыслов и метасредств текстопостроения. В наших работах мы уже описывали данные метаединицы, они ускоряют работу по декодированию смысла и «осознанию»:

1. Метасвязи – связи узловых метасмыслов и метасредств в суперконструкте смысла.
2. Прогностические стратегии, которые реализуются у продуцента до или в процессе опредмечивания смысла, а у реципиента определяются константами смыслопорождения и «схемами действия».
3. Трансформации онтологической картины, структурирующие изменения картины мира, отношения к воспринимаемым феноменам [4, с. 111].

Каждая из схем действия, полученная без привлечения феноменологической рефлексии в сложном сипе текста, теряет свою актуальность с априорностью принятия положения о неузуальности каждой конкретной естественно развивающейся системы и системы взаимодействия «человек – текст» в частности, компоненты, составляющие подобные системы, далеки от примитивизма, и средства формальной логики и редуccionистские теории здесь оказываются не работающими.

Список литературы

1. Анохин П.К. Методологический анализ узловых проблем условного рефлекса // *Философские проблемы физиологии высшей нервной деятельности и психологии*. – М., 1963.
2. Бредихин С.Н. Ноэматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации: монография. – Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. – 392 с.
3. Бредихин С.Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслопорождающие механизмы) // *Современные проблемы науки и образования*. – 2013. – № 1; URL: <http://www.science-education.ru/107-8484>
4. Бредихин С.Н. Метасредства как сложные структуры «схем действия» в пределах герменевтического понимания // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. – 2013. – № 4. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2014. – С. 110-113.
5. Горохов А.С. Проблемы взаимодействия элементов в человеко-природной

интеллектуальной системе // Проблемы развития и освоения интеллектуальных систем. – Новосибирск, 1986. – С. 12-18.

6. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 326-501.

7. Кант И. Первое введение в Критику способности суждения // Кант И. Собр. соч. В 6 т. М., 1966. – Т. 5. – С. 99-159.

8. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

9. Сороко Э.М. Структурная гармония систем. – Минск, 1984. – 264 с.

10. Ухтомский А.А. Собрание сочинений. – М.; Л., 1950. – Т. 1.

11. Heidegger M. Was heißt Denken? / M. Heidegger – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1971. – 110 S.

12. Iser W. Die Appellstruktur der Texte // Rezeptionsästhetik. – München, 1975. – S. 228-252.

13. Miller G.A. Some preliminaries to psycholinguistics // Reading in the Psychology of Language. – Englewood Cliffs, 1967. – pp. 163-178.

14. Stierle K. The reading of fictional texts // The Reader in the Text. – Princeton, 1980. – pp. 83-105.

15. Todorov T. Reading as construction // Suleiman S. R., Crosman I. (eds). The reader in the text. – Princeton, 1980. – pp. 67-82.

Рецензенты:

Гусаренко С.В. д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, заведующий кафедрой культуры русской речи ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Чанкаевой Т.А., д.фил.н., профессор, профессор кафедры связей с общественностью ННОУ ВПО «Институт дружбы народов Кавказа», г. Ставрополь.